

Емельян
МАРКОВ

МАЯТНИК

1

Они ведь там не понимают,
Что Петербург их – снежный шар.
И гордо космосу внимают,
Как геометр Дезарг Жерар.

Не чувствуют, что на ладони
Стоит их тёмный Колизей,
Святой, другой, и – цвет фелони
Небесной в бледности друзей.

Им кажется, что мира полюс
Означен золотой иглой
И, как эгейскими слезами полис,
Очерчен он балтийской мглой.

Я к вам вернусь, тоской задетый,
Опять войду под этот алый свод
Вокзального рассвета, чопорные дети
Весенних невских вод.

2

Приснилось,
что я живу в маятнике Исаакиевского собора.
И не через свою, через его – силу
иногда выхожу наружу под своды для взора
в сторону
морозящей Малой Морской улицы.
Здесь поровну
сквозняка и запаха устрицы.
И я могу
прилечь прямо на мокрый гранит,
припасть к нему гу-
бами, несмотря на свой хронический бронхит.

3

Памяти М.

Всё сходится к игле Адмиралтейства,
Всё сводится к Петра и Павла шпилью,
И плеск воды, и шелест ленты,
Которую не накрепко пришили.

• **Емельян Марков** – российский писатель, поэт, драматург, литературовед. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей Москвы. Член Союза российских писателей. Член Русского ПЕН-Центра. Лауреат Царскосельской художественной премии (2007).

Мне кажется, что мы могли бы
Состроить нашу жизнь иначе:
Любовь моя вне Питера и гибель
Твоя не всё для равноправья значат –

Для ветреного солнечного дня,
Когда волнуется так царственно Нева,
И шпиль до самого струится дна,
И каждая, как вздох, волна нова.

Тут – жёлтый цвет, тут каждый дом
Стоит как перед кругосветкой,
И улица, как вечный палиндром,
Прочитывается мокрой веткой.

4

ЗМЕЙ

Петербург лучше помещается в сердце, чем в пространстве.
Пространство его не держит, город сам держит его;
Посреди пышного и обветшалого убранства
Занёс руку бронзовый всадник, как дирижер.

Он дирижирует с коня и попирает змея,
Такого же, в изумрудной патине, как сам он.
Змей под копытом шелохнуться не смеет –
Но распластался не мертвый, он видит сон.

Он видит во сне город, зябкий и одержимый
Собой. Всё это змею снится, а сам он в Индии,
Не зелёный, белый – лежит под стопы нажимом
Белого же слона, которого
Собором Исаакия во сне видит.

Всё это очевидно в свете молнии;
Молния в этом городе живёт сама по себе,
Она сама, как змея под копытом крамольная,
И мечется иногда вдруг в золоте и серебре.

5

ОСТРОВ

Излом домов здесь точно рифовый,
И улицы тесны, как штольни,
Гуляют парочками рифмы,
И краска жёлтая сейчас застонет

От собственного тихого кошмара,
От островной прибоистой тревоги.
И – всё кренится от лихого шарма.
С фронтонов властно смотрят боги.

Мне так понятен этот странный воздух
И внятна едкая тревога,
И взглядом я зову морскую воду,
Что плещется у скользкого порога.

Я раньше думал, это только
Обида, тёмная моя болезнь,
Но – волны влагу о ступени колют,
Пытаюсь на сухой гранит залезть.

Я здесь нашёл ответный голос,
Вот Анима моя идёт навстречу,
Кусает строго медно-сизый волос
И взглядом чаек малокровных лечит.

6

И зеркало, и стол, и беспокойный блик канала,
Я буду здесь примерно через час.
Меня ты встретила, издалека узнала.
Пусть люди лучше думают о нас.
Мы зла не делали, хоть это невозможно,
Крутым и жёлтым был дворовый срез.
Понять такое, думаю, несложно –
То, отчего мы замирали здесь.
Раздался гром – Нептуна твёрдый кашель
В четвёртом измерении стены;
И небо в ту минуту стало краше,
Выходит вечер из своей тени.
Выходит бог. Он здесь оставил камень,
На нём я утвердил стакан вина.
Зелёный глянец жив в оконной раме,
И бьётся всласть кипящая Нева.
Она кипит холодным звонким шумом,
Она зовёт к себе наперерез.
И мы увлечены бесцельным штурмом,
И мы вовлечены в одну из лучших пьес.
Васильевский, ты отчий кров для театра,
Здесь начиналась кровная игра.
Затоплен Балтикой свинцовый тартар,
И ярче нет четвёртого угла.

7

Давили волны, погружалось солнце,
Как будто раскалённый батискаф,
И дамба замерла в процессе стройки.
Ты улыбнулась и сказала: «Кайф!».

Ещё ты о граните говорила:
Что он един с волнами, он из них,
Как будто море породило рифы
И расколосось в потрясённый миг.

Твой вязкий шаг песку морскому верен
И кудри в свете Балтики черны.
Обращены в согласии на север
Гранита грани и твои черты.

8

PAUPERES SPIRITU*

Здесь на рассвете
Притопит сети
Святой рыбак,
Старик священный.
Соборных рак
Глубокий мрак
Едва не плещет,
Такие вещи...
Я сир и наг.
Но рыбе злато
Горит в руках,
В глазах азартных.
Есть перспектива-то?
Как пахнет тиной тут!
Тускла звезда,
Как сталь гвоздя,
Стезя легка,
Как те проспекты,
Где песни спеты
И день-деньской
Забит доской.
Старуха ушлая
Она – процентщица,
Под шалью кушает,
Она ведь – женщина.
Богиня Грайя
Со мной играет:
То молодая,
То вдруг седая.
Она ли смерть?
В кармане медь.
Шинелька скинута,
Могилка – вырыта,

* Нищие духом (лат).

Обрублена лопатой плеть.
Раupes spiritus
Из бронзы вылиты;
Пустует клеть
В одно окно
Уж как давно.

9

Стены здесь под сырими мундирами
В силе дня изнывают по мне,
И прицельно открыто мортирами
Небо в траурной белизне.

В ледяном опрокинутом зеркале,
К колоннаде возведшем зрачки,
На канале сверкали и меркли
У отплывшего в лодке очки.

Здесь пространство меня перепутало
С утонувшим своим чертежом
И связало мне голени путами
Перед счастья святым правожом.

Понимаю, что грозного голоса
Слышу эхо я в арке штабской,
Лепестками румяного лотоса
Солнце твёрдо встает над тоской.

Это солнце три дня похоронено,
Но теперь ему время вставать,
Так во дни предназначено оные
Ради чёрного в небе креста.

10

Там другая вода, она – как в замедленной съёмке,
Немо властвует, судьбы решая сплеча,
Так на кадрах шершавых броненосец «Потемкин»
Бьёт волну, обращаясь в неё сгоряча.

Невозможно её на покато́й ладони
Донести до отвесных Казанских колонн;
Камень – в небе и камень – не стонет,
Стонет чёрный чугун вокруг корон.

Я несу по проспекту в озябшей ладони
Небо белое, серый гранита надсад.
Я ищу, но не первенства избранной доли,
А глотка из ладони взыскующий сад.